Зорий БАЛАЯН

6. ОГНЕВАЯ ТОЧКА

(Страницы из еще не завершенной книги)

На следующий день, 11 декабря, Афанасьев и Смирнов должны были вылететь из Степанакерта в Ереван и оттуда в Москву. Но выяснилось, что накануне окно в небе Армении не полностью открылось, а словно для нас ветер на миг распахнул его и тотчас же захлопнул: туман хоть глаз выколи.

По Степанакерту бесперебойно бьют из Шуши, из Ходжалу, из Малибейли «Алазанью», Т-12, гаубицей. Из Кркжана — непрерывной автоматной очередью. Юрию Афанасьеву поначалу казалось, что все это вроде бы не наяву. И впрямь трудно поверить в то, что бьют ракетами по восьмидесятитысячному мирному городу. «Как бы связаться с Москвой?» — как бы невзначай спросил он. Ответили ему, что связи телефонной нет, можно только по аппарату ВЧ. «А можно, скажем, связаться с Ельциным?»

Я взялся за ВЧ. Попросил спецкоммутатор. Через минуту из приемной Ельцина сказали, что Бориса Николаевича нет и что он будет через час. В приемную сообщили, что, как только он вернется, передайте, что с ним хотел поговорить Юрий Афанасьев. И дал номер телефона.

А пока суд да дело, я связал Юрия Николаевича с министром обороны Шапошниковым.

Через минуту Афанасьев взял тяжелую трубку ВЧ.

— Евгений Иванович! Вы только прислушайтесь (Юрий Николаевич вытянул руку с трубкой к окну, откуда доносился грохот разрывов) — бьют прямо по городу!

— ?!

— В таком случае мне непонятно, почему молчит полк, когда бьют прямо по казармам. Вы бы хоть себя защищали. Здесь же каждый день убитые. В том числе и солдаты.

— ?!

— Хорошо. Это правильно, пусть прилетает генерал. Если, бог даст, и мы улетим, то здесь руководители Карабаха займутся им. Так что спасибо. Пусть приезжает ваш представитель.

— ?!

— Я с вами согласен. Огневую точку нельзя не гасить. И еще: я договорюсь с Борисом Николаевичем, и будет правильно, если соберемся у него и поговорим. Так дело дальше оставлять нельзя.

Примерно в таком же духе Афанасьев говорил с Баранниковым, министром внутренних дел СССР, с Бурбулисом, с Лобовым, начальником генерального штаба, с Назарбаевым. Говорил Афанасьев спокойно, описывал штрихами ситуацию, выражая возмущение по поводу безнаказанности огневых точек. Часто произносил название города, откуда стреляли, — Шуши.

Часа через три позвонили из приемной Ельцина. И довольно скоро соединили Афанасьева с Борисом Николаевичем. Договорились они, что послезавтра в кабинете у президента в пять вечера соберутся как раз все те, с кем Юрий Николаевич успел уже переговорить. Обещал подлететь и Назарбаев, который и без того собирался по делам быть в Москве.

На следующий день Степанакерт еще больше был окутан туманом. Несмотря на это, еще чаще и прицельнее били по Степанакерту. В полдень позвонили из полка и сказали, что по приказу Шапошникова на военном самолете прилетел в Кировабад генерал Журбенко, который в Степанакерт приедет на бронетехнике. Это означало, что мы должны будем встречаться с генералом.

Встреча состоялась. Юрий Николаевич поведал генералу, что доводилось видеть ему. И добавил: «Если бы мне кто-нибудь другой рассказал, то я не поверил бы. Уму непостижимо. Неужели не ясно, что безнаказанность делает убийцу более жестоким и страшным». Генерал выразил свою мысль примерно так: армия не вмешивается в межнациональные конфликты.

— Но ведь бьют не из берданок, а из армейских орудий, созданных, кстати, на деньги народа. Бьют по народу, — сказал я.

— Вот у вас на лацкане депутатский значок. А между прочим, вы сами приняли такое решение, — резонно ответил Журбенко.

— Но мы не принимали решения насчет того, чтобы из орудий били по полку, а полк молчал, — вставил народный депутат СССР, председатель комиссии Верховного Совета «Офицеры за демократию».

— Вот здесь я с вами согласен. Что касается полка, то молчать не будем. Если еще ударят по полку, то погасим огневую точку.

— А если снаряд упадет в двух метрах от забора полка или попадет в дом офицера, который живет в центре Степанакерта? — спросил я.

— Я думаю, армия имеет возможность сделать все, чтобы предотвратить кровопролитие, не проливая крови. Конечно, огневая точка должна замолчать навсегда, — резюмировал Юрий Афанасьев.

⁂

Последний день существования СССР оказался практически последним днем пребывания внутренних войск в Арцахе. Пришла команда вывести войска. Это значит, нужно выводить милицейский полк, который был дислоцирован в Степанакерте. Со своими бронетранспортерами, боевыми машинами пехоты, автоматами, боеприпасами. Не правда ли, странно: три с лишним года из всех этих орудий и оружия стреляли по армянским селам, убивали армян, депортировали только с их помощью и при содействии армии двадцать четыре армянских села. Совершали по приказу изувера Сафонова облавы (читай — набеги) на села и под видом проверки паспортного режима брали в заложники армянских юношей и мужчин, чтобы потом продавать их азерам. А теперь хотят уйти подобру-поздорову, захватив с собой вооружение, оставляя нас один на один с противником, которому отдано все оружие 4-й армии и внутренних войск МВД СССР!?

Пусть не обижаются на меня честные парни, одетые в форму бойцов внутренних войск. Многих я знавал. И прекрасно знаю, как помогали они мирным жителям, не выполняя сафоновские приказы и даже предупреждая об очередных кровавых акциях.

Вообще, кто знал бы, что пережили карабахцы в нескончаемые дни, если не сказать годы, которые мы называли зловещим словосочетанием «комендантский час». Сколько сломанных судеб! Какой ужас начинался с первой же минуты начала комендантского часа. Не хотелось бы обобщать. Не хотелось бы бросать тень на войска как таковые, хотя, честно говоря, идея создания этих самых внутренних вооруженных сил с бронетехникой и вертолетами, с автоматами и дубинками, направленными против практически собственного народа, — это иезуитство, возведенное на государственный уровень. Но это уже другая тема.

Не было другого выхода у арцахцев. Когда полк был окружен и взят в заложники, наступила крайне тревожная ситуация, которая, взорвавшись, смогла бы натворить беды. Я звонил в Москву заместителю командующего внутренними войсками генералу Старикову, который сказал, что, если до десяти часов не выпустят заложников, то действительно беды не миновать. Звонил в Степанакерт начальнику штаба района чрезвычайного положения полковнику Полозову, который сказал, что получено «добро» — т. е., если это будет продолжаться, применять силу. Разговаривал с Сержиком Саркисяном, которому практически подчинялись силы самообороны и с которым выходили на переговоры комендант полковник Жуков (взятый в плен) и другие офицеры комендатуры. Сержик сказал, что операция проведена так, что провокация просто исключена. Если же попробуют, то сами будут нести ответственность за последствия.

Утром узнал, что благоразумие взяло верх. Все обошлось. Никаких жертв. Ни капли пролитой крови. Поднятый вокруг степанакертского милицейского полка шум утонул в грохоте, который раздался на всю бывшую империю в результате начавшегося ее распада. Назывались цифры единиц бронетехники, но ни одного слова о том, что, уходя, милицейский полк искорежил всю эту технику, о том, что в осажденном Арцахе нет ни грамма горючего.

С уходом последнего бойца внутренних войск ожесточились и без того беспрерывные обстрелы Степанакерта. До нас дошли сведения, что в Шуши поставили установку «Град». Не забуду, когда я об этом говорил с начальником генерального штаба, то генерал Самсонов выразил удивление: «Быть этого не может, — сказал он, — вы хоть знаете, что это такое?» Кстати, из такого рода риторических восклицаниях обычно заканчивались разговоры со многими военными, начиная с Язова.

Стреляли по Степанакерту денно и нощно. Видимо, потому, что не было опасения, что может погибнуть боец внутренних войск, чего, конечно, азербайджанцы побаивались. Надо отдать должное им, они считались с общественным мнением, которым старались управлять активной пропагандой, контрпропагандой, дезинформацией.

Азеры стреляли, не переставая. Давали понять, что несмолкаемая канонада из всех видов оружия достигнет своего апогея 28 декабря — в день первых выборов в Верховный Совет Нагорно-Карабахской Республики.

В этот день только в Степанакерте погибло пять человек. Были убитые в Шаумяновском районе, в Гадрутском, Мартунинском, Мардакертском, Аскеранском и Шушинском районах. То есть во всех без исключения шести районах. Так отвечали азеры на наш демократический праздник. На некоторых избирательных участках практически невозможно было проводить выборы. И все же большинство избирателей приняли участие в голосовании. Выборы состоялись. Парламент родился. Осталось провести первую сессию и узаконить рождение законодательного органа. Но это уже после Нового года. Нового 1992 года. Что он принесет Арцаху?

⁂

24 часа 31 декабря 1991 года, или 00 часов 1 января 1992 года. Одновременно из пяти азербайджанских огневых точек, словно по селекторной команде, дали огонь по Степанакерту. Утром выяснилось, что обстреливали НКР по всему периметру. Радиоперехваты, может, точнее было бы сказать радиоперехваты дали возможность нам узнать, какими фразами обменивались шушинские омоновцы, посылая снаряды, несущие смерть в новогоднюю ночь. В первые минуты нового года были зафиксированы первые убитые. Нетрудно себе представить, каково было бы число погибших, если к Новому году мы не успели бы перевести жителей в подвалы.

Я понимал, что начинается новый этап трагедии нашего народа. Всех и каждого в отдельности. Трагедия моя, твоя, его! Моей матери. Всех матерей. Война не ятаганная, не винтовочная, а ракетная! Жизнь подвальная. Света нет. Холод собачий. Нет ни грамма муки. Хлебозавод не работает уже два месяца. Школы и заводы закрыты. Полностью прервана связь с внешним миром, в том числе и телефонная. Газет и телевидения нет. Есть 180 тысяч человек: дети и женщины, новорожденные и столетние старцы, больные и умирающие.

У меня не было в душе паники. Я понимал, что высшим проявлением гуманизма является паритет силы. Это нужно двум воюющим сторонам, пока его представители не найдут точки соприкосновения. Гандизм не годился в наших условиях. Против камня — только камень, против охотничьего ружья — охотничье ружье, против автомата — автомат, против танка — танк, против «града» «град». И я верю, что, если в единоборство не вмешается третья сила, то у нас есть шанс победить выживанием. Нетрудно было догадаться, что вновь, как это было в 301 году, для своего самосохранения нация найдет в себе интеллектуальные силы.

И сегодня весь интеллектуальный потенциал, вся наука должна не гадать, а прогнозировать суть и смысл завтрашнего дня. И какие конкретные задачи придется решать послезавтра и как решать, чем решать. Нетрудно было догадаться, что после поражения путча неминуемо настанет час распада советской империи. Вроде бы наступит счастливая пора. Но ведь распад — это всегда потрясение, сотрясение, борьба нового со старым. Это нечто похожее на землетрясение, которое имеет эпицентр. Имеет линию разлома. Так ведь надо было быть слепым, чтобы не видеть, что эпицентр — Карабах, линия разлома — Республика Армения. И сегодня, когда все еще продолжает трясти, мы не можем позволить себе паниковать. Только искать и находить резервы, новые силы, интеллектуальные силы. И зная об этом, надо было готовиться к встрече с моментом распада империи.

⁂

На четвертое января назначена первая сессия свежеизбранного парламента. Накануне я вылетел в Ереван. Ночью встретил группу Кокс с очередным грузом медикаментов и продуктов питания. И третьего января мы — человек сорок, втиснувшись в МИ-8, поднялись в воздух. Должны были приземлиться в Гюлистане. Оставить там часть груза и вылететь в Степанакерт. Но Гюлистан был закрыт наглухо, летели мы над «молоком».

Вертолет приземлился в Верин Оратаге. Все село собралось сопровождать группу нашу до сельсовета. Выхода другого не было: необходимо, кровь из носа, хоть пешком добраться до Ванка (рядом храм Гандзасар), а оттуда на чем-нибудь до Степанакерта. Кое-как нашли немного солярки. Трактор с лафетом. Загрузили весь ценный скарб и отправились в морозный день по белой дороге в сторону леса. Всего-то по прямой километров восемь, по кривунам — двенадцать. Но это не простые километры. Перед нами перевал.

Как мы добрались до Ванка, это тема отдельного рассказа. Цель настоящих заметок, составляющих страницы из будущей книги, другая. Скажу только, что через два километра трактор сломался. И отряд из сорока человек отправился в путь, поднимаясь в гору на ночь глядя. Возглавляла леди Кокс. В Ванк добрались за полночь. И когда через два-три часа сельчане нашли заблудившиеся группы и мы, наконец, успокоились к утру, то, по предложению одного из членов нашего экипажа, дорогу, по которой мы добрались до древнего села, решено было назвать тропой Кокс.

Утром, посетив Гандзасар, на «Урале» добрались до Степанакерта. Непосредственных гостей моих я повез по традиции к Валерию Марутяну, заведующему хирургическим отделением Республиканской больницы. Из-за Валерия то и дело разговор переходил на тему о создании подвального госпиталя, подвального родильного дома. Сын Валерия Артур Марутян — акушер-гинеколог.

Что ж, наверное, и в аду бывает родильный дом. Но я горжусь этим самым нашим «адом». Надо сделать все, чтобы в подвальном родильном доме установить печку. Там уже акушеры готовятся принимать роды...

⁂

Сессия Верховного Совета Нагорно-Карабахской Республики после соответствующих торжественных ритуалов и прочих протоколов, после благословения Паркева Српазана, после приветственного слова членов британского, российского, ленинградского и московского парламентов начала свою работу. Накануне двое политических деятелей были у меня с предложением подумать о должности председателя. Аргументы мои остались прежними. Отказался я уже с трибуны парламента и от предложенного поста председателя комиссии по внешним сношениям. Нельзя. Нужны молодые.

Во время заседания кто-то подошел ко мне и, склонившись над ухом, тихо сказал, что меня срочно зовут вниз, в подвальное помещение здания парламента, где расположился родильный дом. Я стремглав сбежал туда, никак не предполагая, что вызывают меня по поводу поистине исторического события: в только что открытом подвальном роддоме родился первый ребенок. Девочка. Родители изъявили желание, чтобы я дал имя их дочери. В дымной от печки комнате на железной кровати, под цветастым одеялом лежала молодая красивая роженица с распущенными волосами. Рядом стоял здоровенный бородач с автоматом за плечом. На лице сияющая улыбка. Брюки в опилках. Видать, он пилил дрова для печки). Мне показали ребенка. Красный комочек. Глаза закрыты. Я уловил улыбку на лице новорожденной. И сказал, что дочь улыбается совсем как отец. Потом добавил: «А назовем ее Анаит. Имя царское, историческое. Первый ребенок, родившийся в степанакертском подвале, тоже явление историческое».